

Дина Измайлова

В тумане

16+

Дина Измайлова

В тумане

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Измайлова Д. А.

В тумане / Д. А. Измайлова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Облепленная туманом, я стою на самой вершине сопки и крепко держу Стёпку за руку, глядя на раскинувшийся под ногами, выплывающий из солнечного света город. Меня словно нет, я покрыта влажным мутным тюлем небытия, зависшего на высшей точке, за которой небо, а что за небом? Геля уже спустилась с сопки, она внизу, её головка зазолотилась, переливаясь всеми красками дня, и тело наполовину выскользнуло из влажной сероватой бели. Я с волнением слежу за ней, она уже целиком выбралась на свободу, с ног до макушки мне видна её фигурка, она мгновенно отпечаталась в моей памяти рядом с бесчисленными отпечатками минувших лет, где она во всём многообразии своих форм навсегда со мной. Она чувствует себя изнутри, она не видит того, что вижу я. Её медленное перетекание, тягучее видоизменение... Она взбухает сама в себе так же, как когда-то взбухала во мне, пока не выскочила наружу, теперь она изо дня в день выскальзывает из себя прежней, чтобы достичь себя будущую, и я никак не могу поймать её настоящую.

© Измайлова Д. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Дина Измайлова В тумане

*Что ни шаг – всё наугад,
что ни взгляд – всё в никуда.
Впереди пелена, позади пелена, по бокам пелена, а в глазах сны-картинки...
От души до души то ли тыщищи шагов, то ль движенье одно
и в другого впадешь, да как влипнешь...
ОЙ-ой. Надо жить головой.
В голове мозжечок, да еще черепок,
две дыры для глазниц, омут губ, сноп волос,
уши есть, нос торчит, да еще лабиринты извилистых троп в подземелье таятся,
где совсем не видна ни одна распарившая нервная зга.
Растопырив глаза, погляжу в никуда,
да пойду наугад в неопознанный взад,
иль качнусь невзначай вбок-вперед – кувырок
через завтра в потом, через сумрак в зарю, через два океана в побережье Перу.
Тицусь, не тицусь, а тацусь на авось, ну и пусть...*

Надо выдавить из себя слово, потом еще и еще пока не вылезет, наконец, предложение и не потащит за собой целый рой хаотичных мыслей, захламляющих внутренности мозгов моих. В голове идет бесконечное бурление, что-то пузырится и лопается, вспухает волдырями и опять лопается, после вздувается, упираясь в стенки черепа, и вновь неизбежно лопается при малейшей попытке с моей стороны совладать с этой активностью, идущей во мне и помимо моей воли. Все неспокойно в моем организме. Глухо шумит дыхание, сердце отстукивает мерно и неумолимо мгновения жизни моей, за которыми я не поспеваю, в которых застреваю и запутываюсь, а сердце безостановочно бьется, и глаза перебегают с предмета на предмет, охотясь за новыми впечатлениями, пока я плутаю в старых...

- Аллю. Привет.
- Привет. Ты кто?
- Я – Филипп. А ты кто?
- Ну и тип ты, Филипп. Зачем звонишь, не ведая куда, и не зная, кто я?
- Чтобы узнать, кто ты. Кто ты и чего ты хочешь, киска?
- Спать хочу. Можно было бы и догадаться. 2 часа ночи все-таки.
- А у меня есть вкусная сосиска. Ее не хочешь, киска?
- Сам грызи свою сосиску, придурок. Киски вискас жрут, если дают, конечно
- Я могу помочь киске.
- Чем поможешь киске с одной своей сосиской?
- У меня, может, еще что-нибудь есть.
- Кискам надо кое-что, а не что-нибудь, они создания вполне цельные, Так что опять звони, не ведая куда, но только не сюда.
- Да и пошла ты.
- А не пойду. Сам иди, идиот.
- Ну и дура.
- Сам дурак.

Что за идиот, бог ты мой, или черт ты мой, или еще кто-нибудь мой, где-то во мне, где-то со мной. Должен же быть еще кто-нибудь, кроме меня здесь, где только я... и Пузырь, блаженно сопящий во сне.

Пузырь смешной – рыжий, толстый и очень легкий, он, словно надут летучим газом, порхает в пространстве, переливаясь всеми цветами, и его нестерпимо хочется потрогать – ущипнуть, толкнуть легонько, пощекотать, потискать – он взвизгивает, изнутри взрывается хохотом и взлетает еще выше, и я тоже слегка отрываюсь от земли вместе с ним. Он как стеклянный шарик – круглый и прозрачный, кажется, вот-вот лопнет и разольется по комнате мягким светом. Но он очень прочный, он не ведает усталости и боится только стоматологов, хотя ни разу еще не лечил зубы. Когда он засыпает, он сжимается в комочек, его совсем не видно на кровати, он заползает под подушку, и только две голые пятки торчат наружу. И становится очень тихо, невыносимо тихо. И хочется его разбудить... Ну вот, опять:

– Что?

– Я хотел узнать, ты что такая, злобная? У тебя что, критические дни?

– У меня критические мысли. Тебе то что?

– Мне то ничего. Просто интересно.

– Господи, да откуда ты такой заинтересованный взялся?

– Да ниоткуда не взялся. Я уже лет двадцать пять как был, и сейчас есть, и еще чуть-чуть побуду, видимо. Только ты об этом не знала.

– Теперь знаю. Тебе это приятно?

– Не понял еще. А тебе?

– Мне по фигу.

– Врешь, уже не по фигу, минут двадцать назад было по фигу, а сейчас уже нет.

– Ты для этого и звонишь по ночам незнакомым людям, да?

– Для чего, для этого?

– Чтоб преодолеть их пофигизм в отношении твоей незаурядной природы. Так ты выбрал долгий путь. Пока всех обзвонишь. Попрыгал бы лучше голышом по крыше – сразу добьешься признания, у всех разом.

– Мне не надо у всех, надо лишь у некоторых... А ты почему не спишь по ночам?

– Потому что кое-какие придурки будят...

– Да ну, ты и не спала вовсе.

– Ты сквозь телефон это узрел?

– Просто по голосу понял. Ты с такой готовностью меня отшила, словно бы очень ждала...

– Кого, тебя?

– Ну, может не меня, может, кого-нибудь другого. А тут я.

– Всего хорошего, Филипп.

– Ты даже вполне вежливые слова говоришь так, словно бы посылаешь на три буквы.

– Прощай. Желаю дальнейших успехов в жизни и твоей ночной деятельности.

– Спасибо. Звучит почти любезно, только как-то бесперспективно. Я собирался еще позвонить.

– Я думаю, не стоит оставшееся население нашей необъятной родины лишать счастья познакомиться с тобой. Я уже настолько осчастливлена, что мне вполне достаточно до конца моих дней лишь вспоминать о тебе.

– Короче, мне не звонить?

– Доходит медленно, но ведь доходит. Ты хоть и дурак, но со светлой перспективой

– Ну пока.

Надо было не так, надо было сказать... О черт, или бог, или еще кто-нибудь, опрокинусь в сон, и не останется от меня ни кусочка, лишь нос будет торчать из подушки, как пятки Пузы-

рика. Надо было сказать, или не говорить, а сразу послать... Да по фигу. Все неважно. Что за придурок. И так в голове сумбур, а он и его перевернул верх тормашками. Спать. Надо спать, чтобы однажды проснуться. Завтра.

*Ах, если б знать,
Чего сказать,
Как раз в тот миг,
Когда возник
?*

Степка смотрит нарочито серьезно, с трудом удерживая на физиономии глубокомысленное выражение: «Мама, давай ты будешь вонючкой, а я какашкой. И мы будем драться». Вцепился двумя ручонками в толстые щеки, готовые расплыться в ухмылке, насупил брови, разлетающиеся в стороны, из губёшек сотворил вареники, и скосил глазенки к потолку. Я покорно рассмеялась, он басисто хохотнул, но тут же привел каждую черточку лица к исходному положению, и прогнусавил: «Ну давай тогда ты будешь какашкой, а я вонючкой?» Рожца невообразимо скукожилась, сквозь шелки прищуренных глаз пробивается сияние, совершенно невыносимое сияние, режущее глаза, режущее душу.

Откуда он такой светящийся? Как мог солнечным зайчиком он выскочить из глухих и темных недр моего существа. Геля тоже светила, каждым волоском переливаясь на солнце. Дралась, ругалась, нежничала (как-то она сказала: «ты, мамочка – свет моих глаз») лопала шоколад, давилась таблетками, плевала капусту, жадничала, хохотала, воровала конфеты, плакала. Как безутешно она рыдала, когда я выкинула ее старого зайца. Я испугалась, мне казалось, она тогда погаснет. Но она обсохла и засияла опять, затаив свою маленькую трагедию в самом отдаленном уголке своего сердца. Швыряла яйца с балкона на головы прохожих (однажды ее засекли, и вечером какой-то дед пришел ко мне с разборками. А Геля упрямо не сознавалась, слезы искрились на щеках, мы кричали на нее вдвоем, мы знали, что она врет, она знала, что мы знаем, что она врет, но она упорно отнекивалась. Так и не призналась. И я приняла ее сторону, это было неправильно, но что я могла с собой поделаться, что я могла поделаться с ней, легче было что-то поделаться с дедом, мы его прогнали прочь, он был лишний), прыгала через резиночку, бегала, падала, читала, ковырялась в носу, плевалась, лазила по крыше – лазила, лазила, я знаю, а как отпиралась, с предельной честностью глядя на меня. И светила, и глаза сияли тогда так же ослепительно, как у Степки сейчас.

А потом потухли, словно лампочка перегорела.

... Я чего-то пробубнила в ответ, сама не поняла что, и выскочила на улицу. Дома остались Пузырь, то ли ревуший, то ли хохочущий, неизменно путающий смех со слезами и наоборот. На улице – туман, в тумане – лишь я, никого вокруг больше, мои шаги гулко отзывались в пустоте, а, может, не только мои, да разве разглядишь что-нибудь. Так и не расслышала, что мне в дверях сказала мама, но я вроде в тему ей ответила, правда не помню что. Вот и поговорили. Из тумана выплыло бодрое лицо соседа с верхнего этажа. «Привет, юное поколение. Идем учиться.» – то ли спросил, то ли ответил он. «Идем» – то ли подтвердила, то ли возразила (а может, предложила?) я. Он согласно покивал головой, трубно прокашлялся и понес дальше свой стареющий организм, до краев наполненный неувядающим оптимизмом и верой

в будущее. «Кретин» – раздраженно подумала я, оглянувшись ему вслед. «Дурочка» – спиной отзеркалил он, снисходительно пожал плечами и исчез в тумане.

Хождение в тумане какое-то не вполне устойчивое, и не совсем уверенное, и как бы не до конца хождение. Это скорее скольжение, а точнее, проскальзывание или просачивание из одного мира в другой. Я выскользнула из квартиры и медленно просачиваюсь в автобус. Я уже почти дошла, я уже точно не там, где была, но я и не вполне там, где должна быть, хотя я рядом, я слышу голоса, взвизгивание машин, до меня доносятся затхлые запахи. Еще чуть-чуть, и я достигну чего-то определенного, имеющего свои очертания, четкие границы, вход-выход и строго отмеренный временной промежуток. Еще только самую капельку, еще шагок, еще полшага, осталось только... И вот я уже здесь, где меня совсем не ждали. Кто-то чем-то стукнул меня в живот, еще кто-то чем-то вроде ноги наступил на мою ногу, я наугад заехала кому-то во что-то коленкой, и прошла, просочилась, еще рывок, и я уже – в центре, подпираемая со всех сторон бесчисленными телами. Не пошевелиться, не продохнуть – зато не упаду, зато где-то над головой тускло мерцает лампочка, и, если протолкнуться к окну, можно полюбоваться на свое отражение в тусклом стекле... А что еще надо?

*Много в воздухе воды –
Сложно в воздухе ходить,
Вот бы взять, да и поплыть,
Только в воздухе воды
Недостаточно, увы,
для плытьбы,
Лишь для ходьбы
Хоть бы...*

- Аллю. Не разбудил?
- Опять ты? Разбудил. Что, мучишься бессонницей и меня решил замучить?
- Прости, пожалуйста.
- Если уж звонишь по ночам, то хоть не извиняйся – сохраняй достоинство. Ну, чего надо?
- Поговорить.
- Поговори. Я-то здесь причем?
- С тобой поговорить.
- Со мной. Что за дикая мысль. И о чем?
- О чем-нибудь. О чем ты хочешь?
- Я ни о чем не хочу. Не я же звоню. А кто тебе сказал, что я хочу?
- Ну, ты меня еще ни разу никак не обозвала, даже не нагрубила явно. Видимо, хочешь...
- Просто я очень воспитанная. У меня это врожденное.
- Что-то раньше я этого не замечал.
- Да по телефону вообще сложно что-либо заметить. Работают только уши, да воображение. Остальное отдыхает. К тому же, ты придурок. Вообще тяжелый случай.
- Подтверждаешь свою воспитанность?
- Скорее преодолеваю ее. Делаю титаническое усилие над своей волей. Как, успешно?
- Вполне. Из всех благовоспитанных девиц, ты самая убедительная хамка.
- Спасибо. Только не убедительная, а убежденная. Я хамка с убеждениями.
- И какие же у тебя убеждения?
- Убеждения, на то и убеждения, чтоб их не раскрывать первому позвонившему идиоту.

- А имя свое раскрыть сможешь? Как тебя зовут?
- Кто как. Сегодня в автобусе, например, один субъект назвал «эй ты, лохудра».
- Страшно подумать, что ты ответила.
- Я ничего не ответила, меня ведь не спрашивали. Меня определили. А я растерялась, и почти поверила.
- Можно подумать, что ты застенчивая.
- Подумать можно все что угодно, особенно тебе. Ты, похоже, вообще мыслитель.
- Неужели ты его никак не обозвала, и не послала в задницу, или в какие-нибудь еще неведомые дали?
- Представь себе. И это наполняет мое сердце отчаяньем. Я просто не успела, сначала он был, а слов не находилось, потом слова появились, но он уже был далеко. Я не смогла догнать. Так и осталась со словами наедине. Хоть на тебя их выплесну.
- А на меня за что?
- Да просто так. Мне с ними как-то тесновато. А ты сам подставляешься.
- Ты, видно, испугалась в лицо ему все сказать. А по телефону можно. Чувство безнаказанности порождает безграничность самовыражения в форме отчаянного словоизвержения.
- Умничаешь? Уже интересно. Ну давай в том же духе.
- Может лучше ты?
- Не-а, мне сказать нечего.
- Совсем?
- Совсем. Я пустая, внутри глубоко и гулко, но похоже ничего нет. Роюсь-роюсь в себе, а ничего не нахожу, лишь эхо чужих высказываний. Хотя, если ты задашь вопрос, я смогу, может быть выдать какую-нибудь реакцию в ответ.
- Ну, выдай тогда, как тебя зовут все-таки?
- Подавляющее большинство меня не зовет вовсе. Как это ни прискорбно, большинство вообще не придает значения моему существованию, я подозреваю, что некоторые даже и не подозревают о нем.
- Ну а как зовет мама?
- Последнее время с недоумением, типа «О боже, да что ж это такое?», или «ну кто ты, ну кто ты после этого».
- А раньше как называла.
- Раньше Ангелочком. Но это было давно, и никому не верится, даже ей. У меня дурацкое имя, хотя у кого оно не дурацкое. У тебя, например, такое, что плевать хочется, но у меня хуже. Потому что твое ничего не подразумевает, а мое подразумевает кое-что, чего я лишена напрочь. Я – Ангелина, и пока у меня были румяные щечки, ресницы до бровей, и золотистые локоны струились по плечам, все было в порядке. А потом все изменилось, а имя осталось. И мама порой не знает, как меня назвать. Впрочем, есть два официально признанных варианта – Геля или Лина. Гелей меня зовут дома, Линой – вне дома.
- Тогда я буду называть тебя Гелей. Ты же внутри дома.
- Может, уж лучше Линой, ты все-таки снаружи.
- Надо придумать еще один вариант.
- Тебе надо, придумывай.
- А если тебе не понравится?
- Тогда я не отзовусь.
- Ну ладно, я пошел думать.
- Далеко не ходи – заблудишься.

«На первое – борщ, на второе можно голубцы. Хотя, нет, опять капуста, может, рис с мясным гарниром. Степка утром ел кашу рисовую. Рис, опять рис. Макароны были вчера. Гречку не ест Геля. Картофельное пюре не ест Андрей. Плов?...»

– Да что ж это такое? Ты что кусаешься? Щас как дам по шее.

– Не дашь.....

– Дам. Перестань лизаться.

– Не дашь.

– Паразит малолетний. Да не плюйся ты, бога ради.

– Буду.

– Я тебе буду. Сиди тихо, а то выгоню.

– Нет.

– Да.

– Нет.

– Отвали (разве можно так разговаривать с ребенком? а как с ним еще разговаривать).

«Плов – опять рис, может, вареники, с капустой? – Геля не ест. С картошкой, лучше с картошкой. У Андрея же изжога, тогда с творогом. Степка, правда, не очень любит, но если сметаны побольше...»

– Ай. Что за зверь кусачий?

– Больно – о-о. У-у-у.

– Да не ври, не больно. Я тебя слегка шлепнула. А вот мне больно. Смотри как ты меня цапнул.

– Бо-о-о-льно. Целуй.

– Ладно. Давай щечку.

– Не-е-е. Попа больно. Попу целуй.

«Лучше блинчики, с творогом и сметаной. И компот».

– Это где тут мой попунчик, жомпопунчик, попердунчик. Вредный мелкий поросюнчик.

– Я тут. Ха-ха.

– Ты тут? Ты здесь, ты там и сям. Тебя я ам, и съем, Степан.

– Ай, боюсь. Ты волк?

– Я волк, страшный, жуткий, серый волк, в сладких детках знаю толк. Укушу за мягкий бок...

– Ты не волк. Ты мама. Ты что забыла?

– Да помню я, помню.

*«Владивосток – дыра дырой,
Вверх дном торчит в воде морской
И я с вершины той дыры
Плюю на высшие миры» -*

Это болезнь – я высекаю надписи на лавочках, партах, автобусных остановках, памятниках, придорожных столбах, в общественных туалетах, подъездах. В школе я перепортила все учебники, попадавшие в мои руки, никогда они не покидали меня без моего прощального привета. Только однажды, в определенном месте, в, бог знает, кем назначенный час, душа моя способна исторгнуть из себя ничего не значащие, и ни на что не претендующие слова, предназначенные исключительно для данного места. Слова и место неделимы. Слова и место равнозначны. Эта заплеванная скамейка и мои примитивные стишки в единстве своем обретают смысл, не знаю какой, знаю лишь, что не высший, но что с того. Я и ползаю по земле и высоты опасаюсь. Вот и пачкаю то, что на пути попадается.

Дворничиха подозрительно сверлила меня глазами, пробила меня насквозь, я чувствую зияющие отверстия в своем организме. Пошла она. Курю, медленно выдыхая себя в пространство, и еще медленнее вдыхая в себя отфильтрованный табак. С каждой затяжкой меня остается все меньше, и все безразличней становится зудящее сверление постороннего взгляда. Наконец, я затушила окурок, и старательно не прицеливаясь запулила его в сторону урны. Он попал прямо в цель, приземлившись на тротуар в двух шагах от дворничихиной метлы.

– Я нечаянно.

– А встать и кинуть в урну запаadlo, да.

– Я думала, попаду. Я старалась.

– Ах ты думала, соплячка безмозглая. Совсем никакой культуры, мать твою. Не, ну что за молодежь. Ох...ть можно. Да чтоб тебе.... Да чтоб тебя... Да чтоб ты... Да как же вас воспитывают таких.

– Так и воспитывают...

Но я уже иду к остановке, с каждым шагом обретая все большую ясность в отношении самой себя. Она орет мне вслед что-то, ко мне не относящееся, но навеки ко мне привязанное, призывает в свидетели окружающих, кто-то подходит к ней, одобрительно кивая головой, с отвращением и злостью они глядят в мою спину... В волосах моих звенит ветер, ноги спотыкаются о камни. И повсюду шныряют люди, поодиночке или незначительными кучками, пихаются, кидаются назойливыми взглядами. Как много вокруг человечества. И как мало в человечестве меня. Зябко как-то.

*«Как много всех вокруг меня.
Чем больше их, тем меньше я.
Они не те, и я не та,
вокруг не видно ни черта.
Пусть говорю совсем не то,
я в маске, шляпке и пальто
ЗАТО!».*

Я смотрю в окно, неотрывно, пристально, до боли в глазах, вглядываюсь в темноту, слабо озаряемую тусклым фонарем. Невообразимо пусто на улице, дверные проемы в подъездах тускло мерцают потусторонним светом, и одинокие призрачные тени скользят в тишине. Где-то там заплутала моя дочка, моя маленькая дочка, вдруг ставшая большой. Она ходит, куда вздумается, она делает, что взбредет ей в голову. Мне бы побежать за ней, разыскать ее в одном из мрачных закоулков, привести домой, водворить на место, и запереть квартиру на тысячу засовов, чтоб не смела больше, чтоб не смела больше... Господи, господа, да где же искать ее, маленькую девочку с золотистыми локонами? Может, ты увидишь ее, узнаешь по глазам, они сияют, они голубые, они всегда спали по ночам. А потом потухли, и в них зарождается новый огонек – непонятный, чужой, осторожный, как дикий хищный зверек он выглядывает из зрачков, он оживает к ночи, он будоражит ей кровь, заставляет идти одну во мрак, туда, где нет меня. Но ведь ты-то есть везде, Господи. Ты ведь должен быть и там тоже, там, где вроде бы тебе нет места, но ты есть там, должен быть там, да? Да ведь если ты есть, ты должен быть везде. Узнай ее, мою девочку, по странным глазам, несчастным и ищущим, по вздорным словам, ненужным и рвущимся. Узнай ее, Господи, накрой рукой своей, проведи ее маленькую и потерянную по дорогам темным и извилистым домой. Господи, господа, господа, убереги ее от всего дурного, приведи ее домой. Да есть ли ты вообще, Господи? Мне так надо, чтоб ты был, чтоб держал в руках своих все то, что я удержать не в силах. Мне так надо, чтоб ты

был, не ради меня, я и так доживу, дотерплю, доползу куда-нибудь, но как же ей, как же им, маленьким моим, как им в этой тьме, в пустоте этой, где ни черта не видать, где так легко оступиться и согнуться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.